

Цориева И. Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов / И. Т. Цориева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 3. — С. 478—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496.

Tsorieva, I. T. (2023). National School of North Ossetia in Context of Soviet Cultural Policy of 1920s—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 478-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-478-496

Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов

Цориева Инга Тотразовна
orcid.org/0000-0002-8977-973X
WoS Researcher ID: HSF-4564-2023
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
отдела истории
tsorin@mail.ru

Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева —
филиал

Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального научного центра
Владикавказский научный центр
Российской академии наук
(Владикавказ, Россия)

National School of North Ossetia in Context of Soviet Cultural Policy of 1920s—1930s

Inga T. Tsorieva
orcid.org/0000-0002-8977-973X
WoS Researcher ID: HSF-4564-2023
Doctor of History, Associate Professor,
Leading Researcher,
Department of History
tsorin@mail.ru

V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies —
the Filial of the Vladikavkaz
Science Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Vladikavkaz, Russia)

© Цориева И. Т., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу создания национальной школы в Северной Осетии в ходе форсированной модернизации 1920—1930-х годов. Подчеркивается актуальность постановки сегодня темы, обусловленной общественным запросом на школу, способную адекватно отвечать стратегическим вызовам времени и обеспечить жизнеспособность многонационального культурного сообщества страны. Выделены этапы реформирования системы образования в национальном регионе в контексте культурной политики 1920—1930-х годов, подчеркнуты социально-политические и организационные аспекты формирования научно-технических, методических, кадровых основ новой советской школы. Прослежен поэтапный подход со стороны органов власти и управления к реализации планов национализации школы, к преодолению ошибок, неизбежных в революционных по содержанию трансформациях в сфере культуры. Сделан вывод о том, что эволюция национальной школы в 1920—1930-е годы отразила социально-психологическую переоценку в высших органах власти роли национальных культур. Как следствие, повысился политический прагматизм в развитии национальной школы. В заключение отмечено, что опыт и итоги формирования национальной школы в Северной Осетии к концу 1930-х годов определили стратегический вектор образовательной политики в республике вплоть до распада СССР.

Ключевые слова:

советская культурная политика; национальная школа; национализация; коренизация; Северная Осетия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the issue of creating a national school in North Ossetia during the forced modernization of the 1920—1930s. The relevance of raising the topic today is emphasized, due to the public demand for a school that can adequately respond to the strategic challenges of the time and ensure the viability of the country's multinational cultural community. The stages of reforming the education system in the national region in the context of the cultural policy of the 1920—1930s are highlighted, the socio-political and organizational aspects of the scientific, technical, methodological, personnel foundations of the new Soviet school formation are emphasized. A phased approach on the part of the authorities and administration to the implementation of plans for the nationalization of the school, in overcoming the mistakes that are inevitable in the revolutionary content of the transformations in the field of culture, is traced. It is concluded that the evolution of the national school in the 1920s—1930s reflected the socio-psychological reassessment in the highest authorities of the role of national cultures. As a consequence, political pragmatism in the development of the national school increased. In conclusion, it is noted that the experience and results of the formation of the national school in North Ossetia by the end of the 1930s determined the strategic vector of educational policy in the republic until the collapse of the USSR.

Key words:

Soviet cultural policy; national school; nationalization; indigenization; North Ossetia.

Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920—1930-х годов

© Цориева И. Т., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время образование как составная часть российской культуры становится одним из главных участков борьбы государства за свое будущее [О стратегии национальной безопасности..., 2021]. Поэтому роль национальной школы как важнейшего института, осуществляющего социализацию подрастающих поколений, существенно возрастает. Формирующийся общественный запрос на современную школу, не только выполняющую образовательные функции (передача знаний, подготовка кадров), но и решающую задачи воспитания, формирования национального самосознания подрастающих поколений, делает весьма актуальным обращение к государственному опыту организации и регулирования процессов в образовательной сфере в национальных регионах СССР, в частности на Северном Кавказе. Прикладной задачей становится осмысление практики формирования образовательного пространства в условиях общественной модернизации 1920—30-х годов с целью освоения этого опыта при разработке новой образовательной политики Российской Федерации в соответствии со стратегическим вызовом времени, которое содержит угрозу жизнеспособности многонационального культурного сообщества страны. В контексте современных социально-политических, экономических и этнокультурных запросов более глубокой проработки требует история создания национальной школы. В представленном исследовании эта тема рассматривается на материалах Северной Осетии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В историческом кавказоведении последних десятилетий в трудах, посвященных историографии национальной школы, отчетливо прослеживаются две тенденции в контексте культурной политики 1920—1930-х годов. Первая формировалась на рубеже XX—XXI веков на фоне отказа от прежних идеологических догм и освоения новых методологических приемов. В ней доминировал критический подход при оценке результатов культурной революции в автономиях Северного Кавказа, ее последствий

для развития национального языка и национальной школы [Герандоков, 2003; Мамсиров, 2004; Бзаров, 2005]. Вторая отличается социально более ответственным подходом к интерпретации и определению содержания советской национально-культурной политики в анализируемое время. Она обусловлена новым этапом разработки проектов и программ постсоветского реформирования системы образования, актуализацией задач создания и функционирования национальных школ в регионе, подготовки профессиональных кадров из представителей местных народностей [Гобети, 2006; Цориева, 2009; Кобахидзе, 2018].

Что касается непосредственно истории осетинской национальной школы в 1920—30-е годы, то следует признать, что специальных исследований по теме нет. Отчасти она получила отражение в работе Р. Бзарова «Очерки истории осетинской школы», посвященной истории создания и развития осетинской школы на протяжении XVIII — начала XXI веков.

В советской историографии вопросы создания и функционирования национальной осетинской школы рассматривались как составная часть строительства и реформирования советской общеобразовательной школы в контексте осуществления национально-культурной политики [Черджиев, 1958; Галазов, 1970; Кулов, 1979; Текиев, 1989]. Накопленный фактический материал позволял проследить основные вехи развития национально-образовательного образования. Однако идеологизированность исторической науки, обязательность следования утвержденным теоретическим построениям вынуждали оценивать любые изменения в национальной школе — от ее создания в 1920—30-е годы до разрушения в 1950—60-е годы — как позитивный результат поиска оптимальной модели системы школьного образования. В настоящее время наметился отход от упрощенной трактовки истории национальной школы. В частности, кардинально пересмотрены причинно-следственные основания денационализации осетинской школы в условиях языковой реформы 1950—60-х годов [Цориева, 2009]. Существенно изменена методологическая трактовка определения национальной школы как ключевого фактора сохранения национального языка, самобытных этнокультурных и духовных ценностей народа [Гобети, 2006; Карпов, 2017].

Оценка национального содержания школьного образования в рамках современных исследовательских подходов (в частности, «новой локальной истории») позволяет определить его достаточность при решении поставленных советской властью первичных задач выравнивания уровня социально-экономического и культурного развития национальных окраин страны на начальном этапе государственного строительства.

Проблемно-хронологический метод исследования делает возможным обозначить ступенчатый характер масштабной социальной новации,

в частности, проследить в специфически многонациональном регионе динамику социально-ориентированной культурной политики, нацеленной на преодоление неграмотности коренного населения, массовое обучение азам наук на родных языках, формирование социалистического мировоззрения.

Исследование строится на различных по типу опубликованных и архивных источниках. Постановления, распоряжения, циркуляры партийно-советских органов власти дают представление об особенностях реализации государственной образовательной политики в национальном регионе. Важную информацию об условиях и основных этапах реформирования системы образования и создания национальной школы содержат документы из фондов Центрального государственного архива РСО-Алания (ЦГА РСО-А) и Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Протоколы заседаний органов образования, переписка, докладные записки, другие документы позволяют с достаточной достоверностью воспроизвести картину формирования единой советской трудовой школы в целом и оценить степень влияния политико-идеологических факторов на развитие национальной школы, в частности. Отдельного упоминания заслуживают опубликованные Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества [Хроника ..., 2007]. Они несут информацию о предпосылках и начальном этапе национализации школы, о позиции национальной интеллигенции в этом вопросе и определении ее вклада в разработку научно-методических и организационных основ создания осетинской школы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Становление новой советской школы

В Северной Осетии создание новой советской школы на основании декрета Совнаркома РСФСР «Об организации дела народного образования в Российской республике» от 23 апреля 1918 года было прервано вторжением Добровольческой армии Деникина в первых числах февраля 1919 года в Терскую республику. Но оно продолжилось практически сразу после восстановления советской власти в конце марта 1920 года. Решением Северо-Осетинского училищного совета от 4 апреля 1920 года был создан специальный Отдел народного образования Осетинского окружного ревкома (ОкрОНО). Одним из основных направлений его деятельности стала организация национальной школы [Цориева, 2009, с. 2].

Проблемы народного образования, которые советская власть связывала со строительством новой школы, были рассмотрены на IV съезде учителей Осетинского округа, проходившем в мае 1920 года во Владикавказе. Главным вопросом повестки дня был переход к единой трудовой школе —

новому типу общеобразовательной школы. Ближайшие задачи школьного строительства в Северной Осетии были определены на съезде заведующих отделами народного образования Терской области, который состоялся 22—26 июня 1920 года. При этом наряду с обсуждением общих проблем на съездах рассматривались вопросы управления и инструктирования осетинских школ. Особое значение придавалось выработке принципов подготовки программы по осетиноведению для школ первой и второй ступени [История ..., с. 124]. Директивной основой для открытия национальных школ явилось постановление Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 года «О школах национальных меньшинств» [Собрание узаконений ..., 1942, с. 1101—1102].

Важную роль особенно на начальном этапе становления национальной системы образования сыграло Осетинское историко-филологическое общество. Его деятельное участие положило начало стратегическому курсу на строительство национальной школы, о необходимости создания которой было заявлено еще на Первом Всеосетинском учительском съезде в июле 1917 года [Кобахидзе, 2018, с. 153]. В ходе совместных обсуждений в 1920—1921 годы с представителями Южной Осетии члены Общества пришли к заключению, что национализация необходима «по соображения политическим, педагогическим и национально-культурным; но ввиду технических затруднений, как-то отсутствие учебных руководств на родном языке и отсутствие достаточного количества квалифицированных работников просвещения, способных национализировать школу, постановлено национализацию проводить постепенно путем усиления преподавания осетиноведения» [Хроника ..., 2007, с. 152—153]. Что же касается вопроса о языке преподавания, то было решено: «1) первый год обучения вести на родном языке и параллельно практиковать лексические уроки на русском языке, 2) создать терминологическую комиссию для выработки научно-литературных терминов для облегчения преподавания на родном языке» [Там же, с. 153].

В соответствии с избранным курсом Общество приступило к разработке учебных программ преподавания осетиноведения и составлению учебных планов, в частности для Горского института народного образования, в создании которого оно принимало активное участие; проводило конкурс на лучшие учебные пособия для школ. Члены ОИФО совместно с Округным отделом народного образования работали над созданием осетинской грамматики, осетинского букваря, обсуждали принципы разработки терминологии, дискутировали по вопросам совершенствования осетинской графики [Там же, с. 166, 172—175]. В соответствии с политикой коренизации активно обсуждался и переход в осетинских общественных учреждениях с русского на осетинский язык. По итогам продолжительных прений Правление Общества постановило: «принимая во внимание, что одной из

мер для развития языка и литературы является ведение делопроизводства на родном языке, принципиально признать необходимым такой переход» [Там же, с. 176].

Следует помнить, что практическая реализация намеченных планов по созданию национальной школы, как и новой школы в целом, проходила в условиях тяжелейшего экономического и финансового кризиса, в котором страна оказалась к концу гражданской войны. Резкое ограничение в 1922 году отпуска средств из центра в связи с разрухой в народном хозяйстве, усугубившейся засухой и неурожаем 1921 года, которая повлекла приток огромного количества беженцев из центральных районов России, перевод всех школ 1-й ступени на местное финансирование и другие причины привели к значительному сокращению численности школ. По отчетным данным Совнаркома Горской республики, с 1921 по 1922 годы число школ в Осетинском округе сократилось со 115 до 56, в городе Владикавказ — с 27 до 19 [Черджиев, 1958, с. 34; Рехвиашвили, 1967, с. 9].

Существенно сократилась численность учительских кадров. Почти все члены правящей партии большевиков были привлечены к работе в партийно-советских, хозяйственных органах Северной Осетии и Горской республики. Оставшиеся учителя находились в крайне незавидном положении. В связи с перебоями в выплате зарплаты, неустойчивостью курса рубля и другими трудностями часть учителей покинули школу, другие работали без особого энтузиазма. Были и те, кто не принял нововведений в советской школе. Некоторые, в отчаянии, подстрекаемые активизировавшимися контрреволюционными силами, пытались провести акции протеста [Кулов, 1979, с. 22—26]. С учетом протестного потенциала этой категории работников школ повсеместно в системе образования формировалась практика «чистки учительского состава» [Стрекалова, 2012, с. 244; Рубаева, 2021, с. 38].

3.2. «Решительный поворот» к созданию осетинской школы

Постепенная стабилизация экономической ситуации с 1923 года положила начало проведению планомерной и систематической работы в области народного образования. Приостановилось сокращение школьной сети, началось внедрение учебных планов и программ Государственного учебного совета Наркомпроса РСФСР, были сделаны первые шаги в создании национальной школы в национальной периферии России. В осуществление задач организации обучения на родных языках развернулась работа по подготовке учебной литературы. В 1925—1927 годах было издано 15 тыс. экземпляров букварей на языках кавказских народов [Гобети, с. 17]. В январе 1925 года в осетинские школы направили 4000 экземпляров букваря Г. К. Гуриева на иронском диалекте и 2000 экземпляров букваря М. К. Гарданова на дигорском диалекте, количество еще «весьма незначительное,

не позволяющее развернуть работу по обучению грамоте во всех первых группах на родном языке» [НА СОИГСИ, ф. История ..., д. 40, л. 22]. Одновременно в созданных в начале 1920-х годов Горском институте народного образования и Горском педагогическом техникуме готовились учительские кадры [Культурное строительство ..., 1974, с. 178, 186].

В современной историографии «решительный поворот к созданию осетинской школы с родным языком обучения» расценивается как главное достижение начала 1920-х годов в реализации программы строительства новой советской школы. Такая оценка опирается на материалы местных партийных конференций и съездов Советов, в которых осуждалось «насаждение» в Осетии русской школы [Бзаров, 2005, с. 48]. Более того, в основу перспективной концепции развития народного образования была положена идея создания «трудовой национальной школы» с преподаванием на родном языке. На проходивших в феврале 1926 года Окружных съездах Советов Северо-Осетинской автономной области основной задачей для Окружных исполкомов определялось скорейшее проведение национализации осетинской школы с приданием ей профессионального уклона, наиболее отвечающего «хозяйственно-экономическому и культурному развитию осетинского народа» [Окружные ..., с. 588—594]. Эти решения принимались в соответствии с итогами инспекторской проверки Наркомпроса РСФСР, проводившейся в рамках проверки состояния системы просвещения в северокавказских автономиях. По ее результатам 13 мая 1925 года было принято постановление «по докладу инспектора НКП т. Чаплиева В. П. о положении народного образования в Северо-Осетинской автономной области». Постановление подчеркнуло необходимость усилить работу по осетинизации школ [НА СОИГСИ, ф. История ..., оп. 1, д. 40, л. 2—3].

Для выполнения задания Наркомпроса РСФСР в Северной Осетии была разработана протокольная форма «Договора о социалистическом соревновании», которая включала пункт об «интенсификации проведения национализации школ». Договор подразумевал закрепление тезиса о том, что «ребенка необходимо обучать на родном языке, на котором он лучше воспринимает окружающие его явления как в общественной жизни, так и в природе» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 144, л. 4; д. 193, л. 1—4].

Опытная апробация в системе образования проходила достаточно успешно. Поэтому Методическое бюро и Коллегия Северо-Осетинского отдела народного образования (ОНО) постановлением от 5 ноября 1925 года утвердили осетинский язык в осетинской школе в качестве языка преподавания. Однако руководство ОНО учитывало неготовность осетинской школы к введению преподавания на родном языке во всех ее группах. Требовалась серьезная работа по подготовке учителей, повышению квали-

фикации имевшихся кадров, по изданию учебников, учебных и наглядных пособий на осетинском языке. Исходя из этого, Коллегия Северо-Осетинского ОНО постановила провести перевод всего преподавания на родном языке в осетинской школе поэтапно. Было намечено с 1925/26 учебного года «безусловно и безоговорочно всю учебную работу проводить на родном языке учащихся» в 1-й и 2-й группах школ первой ступени. В течение трех последующих лет на родной язык преподавания предстояло перевести следующие три группы школы I ступени. Перевод 1-й группы школы II ступени предполагалось осуществить в 1929/1930 учебном году [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 829, л. 2]. Между тем по итогам планового обследования массовой школы Северо-Осетинской АО от 28 апреля 1927 года было установлено, что фактически перевод на родной язык осуществлен только в 1-й группе и отчасти во 2-й группе школы I ступени [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 29, л. 72].

3.3. Трудности формирования национальной школы

Причин крайне медленного выполнения планов национализации школы было немало. На стадии обсуждения был вопрос о едином осетинском литературном языке. Возникли трудности, созданные переводом осетинской письменности с кириллицы на латинскую графику. Ограниченными были бюджетные источники финансирования оплаты труда учителей, издания учебников на родном языке для второго и третьего года обучения. Решения требовали вопросы подготовки новых кадров учителей, разработки методических пособий по изучению родного языка в школе.

Тем не менее разработанные планы были вполне осуществимы, поскольку они входили в общегосударственные программы политики коренизации с поддержкой подавляющей части национальной интеллигенции. Однако следует отметить, что они не учитывали общего психологического настроения населения на ускоренную реализацию возможностей, которые предоставляла советская власть благодаря образовательным лифтам, созданным русскоязычной школой. В итоге оказалось, что часть в основном сельского населения неблагоприятно относится к политике коренизации. Осетинизация школы вызывала настоячивые возражения многих родителей и некоторой части учителей. Они утверждали, что преподавание на родном языке лишает детей возможности овладения русским языком, знание которого до революции было привилегией состоятельных слоев общества. Были случаи, когда крестьяне-родители приходили в школу и требовали: «учите моего ребенка по-русски, осетинскому языку он сам научится» [Черджиев, 1958, с. 41].

Объяснение этому факту организаторы национальной школы видели в «оторванности этой группы от трудовой массы», в нежелании и недооценке ими принципа национализации «как отвечающего идее советской

трудо­вой школы и запросам массы» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 29, л. 72—73]. Заметим, что такое объяснение вполне соответствовало стремлению национальной интеллигенции посредством национализации школы сформировать прочную языковую основу для освоения богатств осетинской культуры. Сужая социальную базу возражавших до уровня «группы», сторонники национализации школы игнорировали явно проявившийся конфликт между социальными запросами и культурными интересами разных слоев общества. Их позицию оправдывали директивные методы проведения «национализации школы» как образовательного «почина», подкрепляемые решениями органов власти.

Как отмечал руководитель Северо-Осетинского ОблОНО Г. Дзагуров на заседании Методбюро 10 июня 1925 года, «в силу национальной политики советской власти нам необходимо быстрыми темпами провести национализацию нашей школы, а это можем сделать только при помощи знатоков родного языка. До сих пор же этот вопрос нами еще не разрешен, почему центральным НКП указано нам на это, как на крупный дефект в нашей общей культурной и политико-просветительной работе» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 6, л. 5].

Обращение к помощи «знатоков родного языка» на заседании Методбюро вслед за прозвучавшими пожеланиями изучать осетинский язык посредством самообразования примечательно. Оно выявило критически низкий уровень квалификации преподавателей осетинского языка и недоверие родителей к национальной школе. Для разрешения вопроса и повышения авторитета родного языка предлагалось наметить «особую группу знатоков осетинского языка» и поручить им преподавание языка во всех школах, «имеющих областной характер, а также школах семилетках, на рабфаке и педтехникуме». С целью привлечения на работу учителей осетинского языка методбюро постановило «поставить их в лучшие условия против других учителей, путем повышения зарплаты на 100 %» [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 6, л. 5].

Во второй половине 1920-х годов принятые меры дали реальные результаты для отчетов районных подразделений Северо-Осетинского ОблОНО и повысили среди национальной интеллигенции привлекательность преподавания на осетинском языке. К началу 1930-х годов сложился требуемый костяк учительских кадров, преподававших на родном языке. Это позволило органам власти Северной Осетии пересмотреть кадровую политику в отношении работавших учителями бывших офицеров царской армии, священнослужителей, лишенных избирательных прав. О практике освобождения школ от «социально чуждых элементов» газета «Власть труда», орган Владикавказского и Сунженского Ок­ружкомов ВКП(б), Окри-

сполкомов и Советов профсоюзов, помещала заметки под громкими заголовками: «Лишенец учительствует», «Не пора ли убрать бывшего», «Защищая чужого», «Белогвардеец в ролях учителя». Зачастую публикации служили сигналом для чиновников системы образования «учесть желание народа» и удалить неблагонадежных из советской школы [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 254, л. 7, 21, 28, 72].

К этому времени в области в основном закончилось формирование разветвленной сети народного образования. На 1 января 1928 года в ней работало 460 учителей. Из них с высшим образованием — 50 человек, 55 — с незаконченным высшим, 294 — с средним, остальные — с незаконченным средним и низшим образованием. Доступность образования обеспечила к 1930 году повышение общего уровня грамотности населения Осетинской автономной области по сравнению с 1923 годом почти в два раза. Она составила 27,5 %. Среди осетин уровень грамотности вырос с 14,6 до 23,7 % [Черджиев, 1958, с. 35, 44, 45, 52].

3.4. Национальная школа в условиях реформы 1930-х годов

Достигнутые результаты создали в системе образования страны возможности для выполнения в течение 1930-х годов двуединой задачи развития программы подготовки национальных советских и хозяйственных кадров в соответствии с потребностями социалистического строительства и активного вовлечения коренного населения в реализацию планов советской модернизации. Помимо образовательных, утилитарно-хозяйственных и кадровых задач, такой подход удовлетворял политический запрос прогрессивных слоев национальной интеллигенции, в поддержке которой нуждалась советская власть на местах. Система образования была нацелена на профессионализацию средней школы по сельскохозяйственному, промышленному, педагогическому, кооперативно-колхозному и другим профилям. В школах Северной Осетии, в частности, в соответствии с программой создания трудовой школы рекомендовалось «по возможности» содействовать открытию пришкольных участков, школ шелководства, пчеловодства, столярных, ткацких и других мастерских. К налаживанию политехнического обучения, подготовке учителей труда привлекали специалистов из отраслей народного хозяйства [ЦГА РСО-А, ф. Р. 124, оп. 1, д. 189, л. 26, 29].

Важным организационным стимулом дальнейшего развития системы школьного образования в Северной Осетии в 1930-е годы был закон о всеобщем обязательном начальном образовании. Закон на новой правовой основе кардинально расширил общий массив образовательных учреждений, поскольку почти четверть детей школьного возраста в области пока оставалась вне школы. Масштаб новой школьной реформы предполагал запрос на сотни учителей, на расширение площадей для ученических мест.

Особое внимание уделялось строительству школ-интернатов в горной полосе, без которых осуществление всеобщего образования признавалось невозможным [Культурное строительство ..., 1974, с. 96; История ..., 1966, с. 265].

В реформе приняли активное участие научно-педагогические кадры области, получившие задание на разработку новых эффективных программ обучения неграмотных и малограмотных. В рамках постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931 года), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 года), «Об учебниках для начальной и средней школы» (12 апреля 1933 года) и постановления СНК ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О структуре начальной и средней школы в СССР» была создана научно-методическая база развития национальной осетинской школы. К 1934 году в области уже функционировали 164 школы с более чем 45 тыс. учащихся [Черджиев, 1958, с. 54—55]. Успешное завершение этапа включило издание полного комплекта учебников для осетинской школы, что создало предпосылки для перехода к следующему этапу — к всеобщему семилетнему образованию. Более того, грамотная методическая подготовка реформы позволила параллельно с осетинскими школами перевести на родной язык грузинскую и армянскую школы в Орджоникидзе (Владикавказе). Таким образом, национализация школы в Северной Осетии шла с учетом многонационального состава населения, что имело в дальнейшем большое политическое значение в контексте общесоюзной тенденции к унификации общеобразовательной практики.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо отметить наличие сформулированной в начале 2000-х годов оценочной версии по реформе системы образования Северной Осетии 1920—1930-х годов, согласно которой национализация школы, системы образования в целом «подразумевала лишь облечение в национально-языковые формы единой унифицированной структуры образования» [Бзаров, 2005, с. 57]. Анализируя последствия принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 16 мая 1934 года, сторонники данной версии высказывали мнение, что введение единообразия в советской школе совпало с заменой «национализации» на «коренизацию» и привело к вытеснению из осетинской школы дисциплин осетиноведения (родиноведение, история, география Осетии). Их общий вывод состоит в утверждении, что первая половина 1930-х годов ознаменовалась принципиально важным поражением — отказом от изучения в школе истории своего народа и природы своей родины [Там же].

Однако анализ темы позволяет с меньшим политическим пристрастием указать на крайне важные общественно-политические задачи государ-

ства в условиях нарастания внешней угрозы безопасности. Документом, свидетельствующим об отходе от национализации к середине 1930-х годов, стало Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 года. На его основе директивно вводилась единая централизованная система преподавания русского языка с 1 сентября во всех нерусских начальных и средних школах, увеличивалось количество часов преподавания, расширялась подготовка учителей, активизировалось издание учебной и методической литературы. Изменения в полной мере отвечали запросам обороны страны, были обусловлены необходимостью укрепления, в частности, многонациональной Красной армии. Идеологическим прикрытием корректировки языковой и образовательной политики стала стратегическая цель приобщения всех народов СССР к социалистической культуре и сплочения их в новой «зональной» (впоследствии названной «новой исторической») общности людей [Вдовин, 2019, с. 219—221].

Фактическим обоснованием данного тезиса является событийный ряд в сфере образования, который свидетельствует о том, что отход от национализации школы не снизил, а повысил требования к качеству образования, улучшив условия их выполнения. В августе 1931 года состоялось решение об организации на базе Осетинского отделения Горского педагогического института самостоятельного Осетинского пединститута, который стал главным центром подготовки учителей для осетинской школы. За 1930—1936 годы число учителей в Северной Осетии выросло более чем в 2 раза и составило 2118 человек. Среди них 90 % были уже выпускниками советских вузов и техникумов. Две трети общего числе педагогов общеобразовательной школы составляли осетины [Черджиев, 1960, с. 110].

Научным подспорьем качественного развития школы можно признать и объединенную конференцию Северной и Южной Осетии по вопросам языкового строительства, которая состоялась 15 мая 1934 года. Конференция предложила проводить последующую работу по «коренизации» школы на едином литературном языке, в качестве которого был принят иронский диалект осетинского языка. Приверженцы пристрастных политических оценок, исходя из абсолютизации «страшного десятилетия культа личности», склонны видеть в утвержденных на бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 8 июля 1934 года решениях отмеченной конференции отправную точку для наступления на диалекты как на этап в государственной языковой политике [Бзаров, 2005, с. 57—58]. Однако и в данном случае невозможно игнорировать материалы, свидетельствующие, например, о сохранении преподавания в начальных школах на дигорском диалекте, печатание районной газеты «Сурх Дигора», возможности молодым лите-

раторам публиковаться на своем диалекте (хотя справедливости ради следует признать, что их призывали скорее овладевать литературным языком). Причем по всем вопросам языкового строительства и издательской работы предписывалось осуществлять широкие контакты с Южной Осетией [Карпов, 2017, с. 295—296].

Доказательством служит и «согласованная» рекомендация указанной объединенной конференции 1934 года о завершении сохраняющей смыслы коренизации неполной средней школы в 1937/38 учебном году и всей осетинской средней школы к 1940/41 учебному году. В целом, как бы то ни было, фактом остается коренизация 1930-х годов как реализованный курс на национализацию образования и ликвидацию неграмотности на национальной территории.

При этом мы ни в коей мере не можем не учитывать свидетельства, указывающие на нарастание с середины 1930-х годов «рекомендательных» форм осуществления нового курса в образовательной и языковой политике. На Межобластной конференции по языковому строительству 1936 года были публично представлены предложения об увеличении сроков изучения русского языка, расширении объема часов по учебным планам «для наилучшего усвоения русского языка». В этой связи неслучайными оказались приведенные факты преподавания в отдельных местах предметов «на каком-то смешанном русско-осетинском языке-жаргоне» [Бзаров, 2005, с. 58]. Как организационные издержки языковой составляющей политики коренизации, они отчасти послужили переводу в 1938 году осетинской письменности с латиницы на русскую графику. Имеющиеся материалы показывают положительную реакцию школ на этот перевод, поскольку русская графика облегчила параллельное обучение детей на двух языках. В то же время в осетиноведении был зафиксирован «перерыв в традиции», который замедлил распространение грамотности на родном языке. Кроме того, реформа графики приобрела в Южной Осетии национально-политический окрас из-за перевода осетинской письменности на грузинскую графику, отдалив две части Осетии в перспективах культурной самоидентификации.

Принятые в исследуемый период решения и их последствия для осетинской культуры заслуживают глубокого анализа, так как отдаленные следствия, свидетелями которых стали поколения осетин конца XX — начала XXI века, имеют общенациональное значение. Поэтому в качестве одного из аргументов для изучения темы следует поддержать сложившееся среди исследователей мнение о том, что отказ от латинской графической основы для осетинской письменности был неизбежным в ходе развития национальной культуры и национальной школы в условиях советской действительности тех лет. Он знаменовал смену части политических установок советской вла-

сти в сфере развития национальных культур. Специалисты рассматривают данный шаг как предтечу свертывания коренизации, которая создала условия для административного и культурного разделения единого осетинского народа. Развивая данный тезис, приверженцы радикальных оценок считают, что в итоге осетины в числе других малочисленных народов исполнили роль «материала для этнической ассимиляции» [Бзаров, 2005, с. 59].

Безусловно, их оценки частично оправдываются экстраполированным контекстом событий 1990-х годов. Еще большую актуальность эти шаги в области культурной политики 1930-х годов имеют в настоящее время в качестве предостережений при разработке новых программ развития национальной культуры. Следует отметить, что предостережения звучали и в конце 1930-х годов в ходе систематических обсуждений, критики содержания методических, учебных пособий в ОблОНО, в профильных учебных заведениях. Но начавшийся в 1940 году очередной этап национализации школьного образования, согласно постановлению бюро обкома ВКП(б) и СНК СОАССР от 6 декабря 1940 года ориентированный на коренизацию 5—7 классов с последующим переходом на родной язык в 8—10 классах с 1944/45 учебного года, был сорван Великой Отечественной войной [Черджиев, 1958, с. 60—61]. Последствия войны для североосетинского общества, для образования и культуры Осетии были таковы, что отвели на второй план многие предвоенные проекты.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, этапы реформирования системы образования в Северной Осетии в контексте культурной политики 1920—1930-х годов имеют не только хронологические рамки, но и, что значительно важнее, социально-политические и организационные контуры. Анализ развития системы образования позволяет определить методики разработки планов и программ формирования научно-технических, методических, кадровых основ новой советской национальной школы.

Сама поэтапность подхода к возникавшим проблемам обусловила гибкость органов власти и управления в преодолении промежуточных издержек, неизбежных в революционных по содержанию трансформациях в сфере культуры. Национальная школа стала отчасти лабораторией формирования новой национальной интеллигенции. Благодаря соединению усилий прогрессивной части интеллигенции, учителей, ученых, просветителей, представителей советской власти была создана система образования, выполнившая задачи преодоления всеобщей неграмотности, формирования советской «трудовой» интеллигенции, подготовки на базе трудовых школ кадров для различных отраслей народного хозяйства.

На фоне социально-политических и экономических процессов 1920—1930-х годов осетинская школа развивалась в соответствии с директивными решениями органов управления. От национализации школ на основании постановления Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 года развитие страны привело систему образования Северной Осетии к коренизации согласно решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года. Эта трансформация отражала сложнейший социально-психологический перелом в высших эшелонах власти в отношении национальных культур и, как следствие, повысила политический прагматизм в развитии национальной школы.

История последующего развития осетинской национальной школы подтвердила, что наблюдавшиеся в ней к концу 1930-х годов изменения определили стратегический вектор образовательной политики советской власти вплоть до распада СССР.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Культурное* строительство в Северной Осетии (1917—1941) : сборник документов и материалов / сост. Л. Д. Бирюкова и др. — Орджоникидзе : Ир, 1974. — Том 1. — 546 с.
2. НА СОИГСИ — *Научный архив* Северо-Осетинского института гуманитарных исследований. Ф. История. Народное образование. Оп. 1. Д. 40. Л. 2—3, 22.
3. *О стратегии* национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] // Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. — Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (дата обращения 21.11.2022).
4. *Окружные съезды* советов Северо-Осетинской автономной области (резолуции по народному образованию) // Известия Осетинского научно-исследовательского института. — 1926. — Вып. 2. — С. 587—597.
5. *Собрание* узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва : [б. и.], 1942. — 1483 с.
6. *Хроника*. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за время его существования (28 апр. 1919 — 1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. — 2007. — Вып. 1 (40). — С. 146—192.
7. ЦГА РСО-А — *Центральный* государственный архив РСО-А. Ф. Р. 124. (Северо-Осетинский областной отдел народного образования) Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 29. Л. 72, 73; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 144. Л.4; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 189. Л. 26, 29; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 193. Л. 1—4; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 254. Л. 7, 21, 28, 72; Ф. Р. 124. Оп. 1. Д. 829. Л. 2.

Литература

1. *Бзаров Р. С.* Очерки истории осетинской школы / Р. С. Бзаров // Историко-филологический архив. — 2005. — № 3. — С. 30—77.

2. *Вдовин А. И.* Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России / А. И. Вдовин. — Москва : РГ-Пресс, 2019. — 712 с. — ISBN 978-5-9988-0738-1.

3. *Галазов А. Х.* Народное образование в Северной Осетии / А. Х. Галазов // Известия Северо-Осетинского НИИ. — 1970. — Т. 28. — С. 29—47.

4. *Герандоков М. Х.* Культурная революция в национальных регионах : миф или реальность / М. Х. Герандоков, В. З. Герандокова. — Нальчик : Эль-Фа, 2003. — 199 с. — ISBN 5-88195-564-1.

5. *Гобети З. Б.* Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе (20-е годы XX века) / З. Б. Гобети // Вестник Владикавказского научного центра. — 2006. — Т. 6. — № 4. — С. 14—16.

6. *История Северо-Осетинской АССР. Советский период* / отв. ред. М. С. Тотоев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1966. — 431 с.

7. *Карпов Ю. Ю.* Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20—30-е гг. XX века : эволюция проблем и решений / Ю. Ю. Карпов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2017. — 400 с. — ISBN 978-5-85803-505-3.

8. *Кобахидзе Е. И.* Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы / Е. И. Кобахидзе // Известия СОИГСИ. — 2018. — № 30 (69). — С. 147—174. — DOI: 10.23671/VNC.2018.69.22437.

9. *Кулов Б. С.* К высотам культуры / Б. С. Кулов. — Орджоникидзе : Ир, 1979. — 184 с.

10. *Мамсиров Х. Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. / Х. М. Мамсиров. — Нальчик : Эльбрус, 2004. — 328 с.

11. *Рехвиашвили И. И.* Культурное строительство в Горской республике (1920—1924 гг.) / И. И. Рехвиашвили. — Орджоникидзе : [б. и.], 1967. — 33 с.

12. *Рубаева Э. М.* Взаимодействие институтов власти и образования в Северной Осетии в 1920—1930-х гг. / Э. М. Рубаева, З. Б. Гобети // Вестник Владикавказского научного центра. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 37—43. — DOI 10.46698/VNC.2021.25.80.001.

13. *Стрекалова Е. Н.* Интеллигенция Ставрополя в 1920 г. : принимая новую социальную реальность / Е. Н. Стрекалова // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции. — Ставрополь : ООО «Бюро новостей», 2012. — С. 242—252. — ISBN 978-5-904693-41-1.

14. *Текиев В. Д.* К сияющим вершинам / В. Д. Текиев. — Орджоникидзе : Ир, 1989. — 136 с.

15. *Цориева И. Т.* «Языковая» реформа и осетинская национальная школа : от «коренизации» до денационализации / И. Т. Цориева // Вестник Владикавказского научного центра. — 2009. — Т. 9. — № 1. — С. 2—5.

16. *Черджиев Х. С.* Очерки по истории народного образования в Северной Осетии / Х. С. Черджиев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1958. — 91 с.

17. *Черджиев Х. С.* Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933—1941) / Х. С. Черджиев // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. — 1960. — Т. 22. — Вып. 4. — С. 108—121.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2023,
одобрена после рецензирования 19.04.2023,
подготовлена к публикации 24.04.2023.*

Material resources

- Chronicle. Reports on the activities of the Ossetian Historical and Philological Society during its existence (28 Apr. 1919 — 1 Mar. 1925). (2007). *Bulletin SOIGSI, 1 (40): 146—192*. (In Russ.).
- Collection of legalizations and government orders for 1917—1918*. (1942). Moscow: [b. i.]. 1483 p. (In Russ.).
- Cultural construction in North Ossetia (1917—1941): collection of documents and materials, 1*. (1974). Ordzhonikidze: Ir. 546 p. (In Russ.).
- District congresses of councils of the North Ossetian Autonomous Region (resolutions on public education). (1926). *Bulletin Ossetian Research Institute, 2: 587—597*. (In Russ.).
- ON SOIGSI — Scientific Archive of the North Ossetian Institute of Humanitarian Studies. F. History. Public education. Op. 1. d. 40. L. 2—3, 22. (In Russ.).
- On the National Security Strategy of the Russian Federation. *Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021, 400*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/1e2b5c5fc29c839c457c3d876e9cc7b475bc7d45/ (accessed 11/21/2022). (In Russ.).
- TSGA RSO-A — *Central State Archive of RSO-A. F. R. 124. (North Ossetian Regional Department of Public Education)*. (In Russ.).

References

- Bzarov, R. S. (2005). Essays on the history of the Ossetian school. *Historical and philological Archive, 3: 30—77*. (In Russ.).
- Cherdjiev, H. S. (1960). Decisive successes of the cultural revolution in North Ossetia (1933—1941). *Bulletin of the North Ossetian Research Institute, 22 (4): 108—121*. (In Russ.).
- Cherdzhiev, H. S. (1958). *Essays on the history of public education in North Ossetia*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 91 p. (In Russ.).
- Galazov, A. H. (1970). Public education in North Ossetia. *Bulletin of the North Ossetian Research Institute, 28: 29—47*. (In Russ.).
- Gerandokov, M. H., Gerandokova, V. Z. (2003). *Cultural revolution in national regions: myth or reality*. Nalchik: El-Fa. 199 p. ISBN 5-88195-564-1. (In Russ.).
- Gobeti, Z. B. (2006). Formation and development of public education in the North Caucasus (the 20s of the XX century). *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center, 6 (4): 14—16*. (In Russ.).
- History of the North Ossetian ASSR. The Soviet period*. (1966). Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 431 p. (In Russ.).
- Karpov, Yu. Yu. (2017). *The national policy of the Soviet state on the North Caucasian periphery in the 20—30s of the XX century: the evolution of problems and solutions*. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 400 p. ISBN 978-5-85803-505-3. (In Russ.).
- Kobakhidze, E. I. (2018). The First All—Ossetian Teacher's Congress and the tasks of the Ossetian primary school. *Bulletin SOIGSI, 30 (69): 147—174*. DOI: 10.23671/VNC.2018.69.22437. (In Russ.).
- Kulov, B. S. (1979). *To the heights of culture*. Ordzhonikidze: Ir. 184 p. (In Russ.).
- Mamsirov, H. B. (2004). *Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the XX century*. Nalchik: Elbrus. 328 p. (In Russ.).
- Rekhviashvili, I. I. (1967). *Cultural construction in the Mountain Republic (1920—1924)*. Ordzhonikidze: [b. i.]. 33 p. (In Russ.).

- Rubaeva, E. M., Gobeti, Z. B. (2021). Interaction of institutions of power and education in North Ossetia in the 1920s—1930s. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 21 (4): 37—43. DOI 10.46698/VNC.2021.25.80.001. (In Russ.).
- Strekalova, E. N. (2012). The intelligentsia of Stavropol in 1920: accepting a new social reality. In: *New cultural and intellectual history of the Russian province*. Stavropol: LLC “News Bureau”. 242—252. ISBN 978-5-904693-41-1. (In Russ.).
- Tekiev, V. D. (1989). *To the shining peaks*. Ordzhonikidze: Ir. 136 p. (In Russ.).
- Tsorieva, I. T. (2009). “Language” reform and the Ossetian national school: from “korenization” to denationalization. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 9 (1): 2—5. (In Russ.).
- Vdovin, A. I. (2019). *The Russian nation in the XX century. Russian, Soviet, Russian in the ethno-political history of Russia*. Moscow: RG-Press. 712 p. ISBN 978-5-9988-0738-1. (In Russ.).

*The article was submitted 14.03.2023;
approved after reviewing 19.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.*